

118 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Игорь РОДИН*г. Москва***НАРЦИСС**

Безусловно, все люди разные. И не просто разные, а порой сильно отличаются друг от друга. Воспитанием, уровнем образования, религией, системой житейских ценностей – да мало ли чем. Мысль не особо оригинальная, но и я не о том.

При всем различии у подавляющего большинства все же есть что-то общее. При желании их можно понять, поставить себя на их место. Их поступки можно объяснить логически. Будь перед тобой бизнесмен, творческая личность, бандит, простой работяга, дикарь из племени Мумбо-Юмбо, – с ними со всеми при желании можно договориться.

Однако меня всегда удивляло и даже ставило в тупик то самое малое число людей, чьи помыслы и резоны, сколько ни пытайся их понять, навсегда останутся для тебя скрыты. словно перед тобой вдруг возник какой-то другой вид *Homo sapiens*, совершенно другая ветвь эволюционного древа, вроде дожившего до наших дней неандертальца. Речь идет, конечно же, не о внешнем сходстве или природной дикости означенных персонажей. Зачастую это очень образованные, компанейские люди, и поначалу их «чуждость» не видна. Но посте-

пенно она проступает все сильнее, пока ты не останавливаешься в изумлении, понимая, что из-под вполне приятной оболочки на тебя смотрит некое иное существо, «чужой».

Впрочем, перейду от своих путаных объяснений к делу и попытаюсь рассказать о ярких представителях этой породы, с которыми мне довелось встречаться.

Последние десятилетия существования СССР были специфическими. Это было общество глубоко двойственное, лицемерное. Выродившаяся в циничное пустозвонство идеология была не в состоянии прикрыть хамского чванства партийных чиновников и благоденствующих на ниве всеобщего дефицита работников торговли, а также вопиющего, бросающегося в глаза расслоения советского общества. Подавляющему большинству граждан необходимость доставать самое насущное не в состоянии были заменить бравурные лозунги о том, что вся власть в стране принадлежит народу и что победа коммунизма неизбежна. Еле ползающий, не выговаривающий половину слов генсек и прочая престарелая пар-

тократия были источником бесчисленного количества анекдотов, которые люди практически открыто пересказывали друг другу.

Для меня и моих сверстников это была школьная пора. Все мы были порождениями своего времени, так что цинизма нам было не занимать. Любое упоминание о неких «идеалах» способно было вызвать у подавляющего большинства лишь кривую усмешку, а попытка проповедовать социалистические идеи, «свободу, равенство, братство» и прочие благоглупости – ничего, кроме гомерического хохота. Мы пили портвейн, курили в туалете на перемене, в самой скабрёзной манере обсуждали одноклассниц, обильно сдабривая речь ненормативной лексикой, прогуливали уроки и в комсомол вступали лишь для того, чтобы потом иметь право поступить в институт.

В школе на уроках литературы мы много изучали всевозможных «лишних людей». Но нашим учителям было невдомек, что все мы, по существу, были «лишние люди», обреченные (но уже не желавшие) жить в страхе, вранье, невозможности реализоваться, в безнадежной необходимости юлить и унижаться, чтобы пролезть наверх, где прочно окопались представители старшего поколения. Недалом говорят, что циники – это не кто иные, как разочаровавшиеся романтики.

Каждую неделю у нас проходил так называемый «классный час» – крайне унылое мероприятие, на котором нас песочили за плохую успеваемость, отвратительное поведение, прогулы, отсутствие сменной обуви, попытки мальчиков вместо форменных штанов приходиться в джинсах, а девочек – носить серьги и даже пользоваться косметикой. Затем комсомольский секретарь нам докладывал об очередной мертворожденной затее райкомовских чиновников, которую, естественно, никто из нас не собирался исполнять.

И вот однажды к нам на этот самый классный час пришел некий человек. Нам его представили как Сергея Колмановского. На стандартный вопрос, не является ли он родственником известного композитора, пришедший ответил, что он ему даже не однофамилец. Видимо, вопрос его успел изрядно достать. Затем нам сообщили, что этот «неоднофамилец» хочет создать у нас в школе драмкружок. Представлял его учитель английского языка Сергей Владеленович Бойко. В нашей школе он работал всего второй год и уроки вел с третьего по четвертый класс. Ходил он в потертой джинсе, что по тем временам было верхом шика, и вообще выглядел изрядным пижоном.

Приятель нашего англичанина некоторое время что-то не очень убедительно объяснял, а потом

сказал, что после шестого урока будет ждать желающих в актовом зале.

Никого из присутствующих речь приятеля нашего англичанина не зажгла, и, пожалуй, если бы я тогда не решил из любопытства пойти после уроков в актовый зал (поскольку домой идти и выслушивать очередные нотации предков как-то не очень хотелось), то дальнейшие события, растянувшиеся затем на много лет, наверняка пошли бы как-то по-иному. За мной увязалось несколько приятелей в количестве трех. Именно в таком составе мы сидели и слушали, что нам вещали два Сергея.

Тема была очень смелая и актуальная для того времени. Это была не какая-то дежурная школьная постановка, какие у нас для галочки ставили учителя английского (школа была специальная), где несчастные актеры за пару хороших оценок, коверкая и то и дело забывая слова, что-то бездарно мямлили по-английски, с нетерпением ожидая, когда все это закончится. Впрочем, зрителей в это время одолевали те же чувства.

Новый спектакль должен был называться «Урок истории». Не в смысле школьного урока, а в самом широком: «Чему нас учит история». Таким образом, нам предлагали высказаться о важном. Предполагалось включить в спектакль тексты Ефтушенко, Платонова, Окуджавы, Вознесенского, которые говорили о репрессиях сталинского времени, напоминали о героике революционной эпохи, показывали чистых, целеустремленных людей, верящих в светлые идеалы. Пафос спектакля должен был звучать как возврат к настоящему, ленинским принципам социализма.

Возможность хотя бы таким образом высказать свое отношение к власти, заявить, что она вовсе не является «священной коровой», о которой нельзя сказать ничего критического, нам весьма приглянулась.

Глядя на нас (в течение двух последующих встреч, на которых состоялась читка), в кружок пришло еще несколько человек, а вскоре количество желающих играть увеличилось примерно втрое. Все были из нашего циничного, неуправляемого, глумливого и вообще ужасного десятого класса. Класса, которым учителя еще долго страшили следующие поколения учащихся нашей школы.

Скоро к коллективу театралов из любопытства примкнула пара человек, у которых артистических способностей не было вовсе, но зато технический склад ума и характера позволял хорошо разбираться в разного рода железяках. Они полностью взяли на себя подготовку светомузыкальной части.

Репетиции проходили по вечерам, часто часов до

семи-восьми. Естественно, все это сопровождалось мелким хулиганством в «кулуарах» и курением на лестничной клетке. К удивлению многих, наша директриса, не отличавшаяся мирным, покладистым характером, в этом случае сохраняла строгий нейтралитет, видимо рассудив, что разогнать это сборище она всегда успеет, но если вдруг у спектакля будет успех, то львиная часть лавров наверняка перепадет ей.

Репетировали мы почти полгода. Я играл три или четыре роли. Одна из них была очень запоминающейся – конференсье в кафе-шантане.

Конференсье заходил в зал не со сцены, а из дверей со словами: «Уважаемая публика! Я восхищен и смят!» Отпуская шуточки и попутно любезничая с дамами, он проходил к сцене, потом кричал «Девочки!» – и в зал вбегал кордебалет в вызывающих нарядах и ярко размалеванный. Кордебалет изображали мои одноклассники. Вся сцена призвана была иллюстрировать крайнее разложение белой эмиграции и тех, кто не принял революцию. Они лихо отплясывали какой-то разухабистый танец под чудовищные куплеты следующего содержания:

*Бандиты стражу перебили
И в плен красотку увели.
Ее в темницу заточили
И очень зорко стерегли.*

*Но ей темница не страшна,
Жила превесело она.
Но ей темница не страшна,
Жила превесело она.*

Далее следовал припев с несколько более лирической интонацией:

*А поутру она вновь улыбалась,
Как прежде, пред окошком своим.
Потом цветы, как всегда, поливала,
Озарена вся лучом золотым.*

Ясное дело, такое поведение бандитам не могло понравиться, поэтому они постепенно начинали звереть:

*Подняв на крышу небоскреба
И положив на самый край,
Они в пылу безумной злобы
Ее спихнули под трамвай.*

*А ведь трамвай, известно вам,
Как бритва, режет пополам.*

*А ведь трамвай, известно вам,
Как бритва, режет пополам!*

А далее шел все тот же припев:

*А поутру она вновь улыбалась,
Как прежде, пред окошком своим.
Потом цветы, как всегда, поливала,
Озарена вся лучом золотым.*

Бандиты еще несколько куплетов всячески издевались над красоткой, но она постоянно чудесным образом избегала гибели и не теряла присутствия духа. Примечательно было даже не содержание этого литературного шедевра, а то, что это была настоящая песня из репертуара варьете тех лет. Наш режиссер приволок откуда-то это потрепанное, пожелтевшее издание, состоявшее из одного большого листа, сложенного пополам, где были напечатаны ноты и текст означенного произведения.

Среди пафосных сценок с красноармейцами и душераздирающих диалогов о сталинских репрессиях была еще одна хулиганская «инсталляция». Мы представляли рабфаковцев, которые показывали «пирамиды» – некие построения из людей, изображающие разные символы социализма. Например, трактор, статую «Рабочий и колхозница», полет аэроплана и тому подобное. Таких «пирамид» было несколько. Выполнялись они по счету. Главный «физкультурник» командовал: «Делай – раз!» – все делали шаг, перестраиваясь в нужном направлении. «Делай – два!» – еще один шаг. И когда звучало: «Делай – три!» – живая скульптура представляла во всей красе.

Как я уже сказал, мы показывали несколько пирамид. Все они предварялись хлестким агитационным четверостишием. Последней нашей инсталляцией была такая. Главный физкультурник произносил:

*– Партии члены и не члены,
Каков наш ответ Чемберлену?*

На «Делай – раз!» и на «Делай – два!» мы перестраивались следующим образом. Я выходил вперед, упирал руки в бока и расставлял ноги примерно на ширину плеч. Два других участника подходили сзади, нагибались друг против друга и сцепляли руки. Им на руки ложился третий участник – Бувич, который был примечателен пышной курчавой шевелюрой. На слова «Делай три!» двое начинали раскачивать Бувича взад-вперед, в результате чего его курчавая голова периодически высывалась у ме-

ня между ног, и в это время он тоненьким голоском по-идиотски кричал: «Ку-ку!» Естественно, все буквально помирали со смеху. Да и в целом спектакль имел оглушительный успех. Мы играли его в среднем по два раза в месяц, и на нем перебивала масса народу. Даже актеры из «Маяковки» во главе с самим Тараторкиным, который был настолько впечатлен, что даже рекомендовал большинству участников идти в актерские вузы и даже обещал составить в этом протекцию.

Оба Сергея тоже играли в спектакле – не столько из желания, сколько из-за нехватки актеров.

Техническая группа, в которую входило всего три человека, трудилась вовсю. Вместо световых пушек приспособили фильмоскопы, позаимствованные в кабинете биологии. В кабинете физики взяли вольтметр и амперметр, после чего починили звуковое оборудование и раздолбанный пульт в рубке, которая последние лет пять исполняла роль чулана для складирования швабр, ведер и прочей рухляди.

Через некоторое время на спектакль пожаловали какие-то люди из горкома. Оказалось, комиссия, которая должна была оценить наше творчество. Во время действия они сидели прямо и, слегка нахмурившись, смотрели на сцену. По их лицам совершенно нельзя было понять, положительно или отрицательно они оценивают то, что видят. Видимо, они все же оценили наш труд положительно, поскольку через месяц выяснилось, что нам присудили первое место по Москве среди самодеятельных школьных коллективов.

Наша директриса, и до этого не слишком вмешивавшаяся в то, что происходило в актовом зале по вечерам, на волне успеха и вообще предоставила студии карт-бланш на любые действия.

А у нас планы были грандиозные. Во-первых, мы перестроили сцену, которая с одной стороны была как бы срезана. Кто-то из знакомых нашего режиссера привез на «газике» досок, гвоздей, и мы целый день пилили, строгали, лупили молотками, красили... В итоге сцену достроили до нормального размера. Из той же «Маяковки» привезли старый списанный пульт, похожий на большой тяжеленный шкаф, который подняли в рубку и приварили намертво к стене. Оттуда же через несколько дней доставили прожектора и настоящую рампу (в «Маяковке» в то время как раз происходило обновление оборудования). Все это было смонтировано в кратчайшие сроки, и обычный школьный актовый зал превратился в театр – с занавесом, с профессиональным светом и звуком, с комнаткой для переодевания за кулисами... В общем, все были счастливы.

Вся эта красота готовилась не просто так. Следующим спектаклем должна была стать пьеса «Ящерица» А. Володина. Пьеса с успехом шла в филиале театра Маяковского. Но мы не стали повторять то, что делали они. Мы взяли сразу две пьесы Володина – «Ящерица» и «Две стрелы» и сделали из них микс, переплетя сюжеты, выкинув некоторые сцены – одним словом, весьма вольно обойдясь с исходным материалом.

Тема произведений была сходна, к тому же относилась к разряду «вечных», как нельзя более актуальных и для нашего времени. Повествовалось там о двух враждующих первобытных племенах («Зубры» и «Скорпионы»). Вражда была надуманной, на ней паразитировали и извлекали свою выгоду разные персонажи – вроде «Человека боя», «Красноречивого» и других. Начиналось все с того, что Скорпионы, победив в последней схватке из-за того, что у них было «вундерваффе» того времени – лук, загнали Зубров в болото. После долгих споров, что теперь делать, Зубры решают послать к Скорпионам шпиона, чтобы тот выведал секрет лука. Этим лазутчиком становится девушка, которую зовут Ящерица. Она появляется возле селения Скорпионов, ее видит молодой парень (которого играл я) и похищает. Данный персонаж в пьесе так и именовался – «Похититель». Понятное дело, во время своего пребывания в чужом племени Ящерица меняет свое отношение к врагам, поскольку узнает их ближе. Затем влюбляется в Похитителя. Но не все идет гладко. У Скорпионов тоже есть непримиримые сторонники войны. Например, бывшая невеста Похитителя – Поющая Днем, дочь вождя, у которой есть свои подручные. И вообще, она – местный авторитет. Кончалось все тем, что Ящерица уходила к своему племени, но ничего толком рассказать не могла. Посланные Поющей Днем ей вдогонку воины убивали неудавшуюся шпионку. Вся эта трагическая (но в большинстве случаев смешная) история длилась в общей сложности два с половиной часа.

Начиналось действие с того, что на сцене возвышалась огромная стена из пустых картонных коробок, очертаниями напоминающая контуры современного города. Шла фонограмма с гудками автомобилей, разговорами на улицах, на заднем фоне играл джаз. Пока публика рассаживалась на места, актеры изображали обыденную жизнь – кто-то говорил по телефону, кто-то читал газету, девушка перед зеркалом делала макияж... Внезапно в шум города врывался рев пикирующих самолетов, свист бомб, грохот взрывов. Начиналось мелькание световых пушек, и достающий почти до потолка «город» обрушивался в зал. Наступала темнота.

И тишина. После этого раздавался тоненький голосок, поющий песню. Что-то вроде: «Жили-были люди, умерли все люди...»

Когда свет включался, перед зрителем возникала жизнь первобытного племени. То есть получалась своего рода постапокалиптическая картина. Все вернулось в каменный век. В конце спектакля, уже после гибели главной героини, все участники спектакля выходили на сцену и пели заключительную песню, пафосно призывавшую к миру и согласию. Каждый выносил картонную коробку, из которых раньше был построен город. На каждой коробке, на одной из сторон, была написана фамилия актера. Таким образом, зритель видел своеобразные титры.

В этом спектакле принимало участие в несколько раз большее количество актеров, чем в предыдущем. На волне успеха «Урока истории» желающих было хоть отбавляй. Я к этому времени школу уже окончил, но, не поступив в МГУ, решил набраться жизненного опыта и пошел работать в газету «Ленинское знамя» курьером – чтобы на следующий год все же поступить на факультет журналистики в МГУ. Работа была не бей лежачего, так что времени на репетиции оставалось более чем достаточно. Кроме «старичков» из нашего класса, которые играли практически все главные роли, к нам присоединился нынешний десятый класс, а позже – учащиеся средней школы (они изображали обезьянок и прочих зверей в эпизодах). О масштабности спектакля можно судить хотя бы по тому, что к постановке танцев были привлечены танцоры ансамбля «Колхида» (двое из них впоследствии стали известными московскими хореографами), движения для пантомимы (было в спектакле и такое) ставила Марина Зуева – призер чемпионата СССР, участница чемпионатов мира и Европы по фигурному катанию. И все бесплатно, на энтузиазме, только потому, что людям это было интересно...

Костюмы все делали для себя из подручных материалов самостоятельно. Кому-то, возможно, помогали родители. Я обошелся своими силами. Взяв дома мешок из-под картошки, я разрезал его снизу до середины – так что получилось две штанины. Потом прошил каждую в отдельности. Пришпандорил пару живописных лоскутов зеленой кожи (голенища сапог матери, которые та собиралась выбрасывать), сделал жилетку из какой-то дерюги, спереди снабдил ее шнуровкой, чтобы полы не болтались и не мешались – и наряд первобытного человека оказался готов. Это изделие «от кутюр» так понравилось остальным, что многие последовали моему примеру и тоже вставили в свои жилетки и рубахи шнуровки.

Сцену было решено расширить еще больше. Причем и по вертикали, и по горизонтали. Задник выкрасили в черный цвет и установили едва ли не во всю стену что-то вроде строительных лесов. Соответственно, действие теперь происходило не только на самой сцене, но и на всех этажах этого сооружения. Однако нашему режиссеру и этого было мало (возможно, потому, что к этому времени он уже бросил профессию инженера-строителя и учился в вузе на театрального режиссера, осваивая разные виды воздействия на зрителя; при этом обеспечивал семью он случайными заработками, не брезгуя даже подрабатывать дворником или грузчиком). В результате творческих поисков было решено вдоль боковых стен зала проложить «дорожки», на которых также происходило бы действие. С этой целью вдоль боковых стен ставились парты, принесенные из классов. А чтобы фон был подходящим, на особых кронштейнах были подвешены большие фанерные щиты, выкрашенные в черный цвет.

Короче, спектакль был грандиозным даже по меркам профессионального театра, не говоря уж о самодеятельности. Желающих попасть на спектакль было столько, что пришлось напечатать специальные пригласительные билеты и пускать только по ним. Приходили и близкие, и дальние родственники, и знакомые, и знакомые знакомых, и друзья, и однокурсники, и даже актеры театров, в частности, актеры «Маяковки», которые играли в «Ящерице», только, разумеется, в своей. Были люди из райкома, директора московских школ... Чтобы удовлетворить спрос, нам пришлось играть спектакль по два раза в неделю. Впрочем, все делали это с удовольствием.

А однажды нам сообщили, что на спектакль придет сам Володин, автор пьесы, легендарный драматург. Он приехал в Москву на несколько дней из родного Питера, и в этот момент его кто-то к нам зазвал. Володин и впрямь явился на очередной спектакль. Был он уже очень пожилым и ходил медленно. Все участники, начиная с актеров и заканчивая режиссером, очень волновались, что скажет мэтр о наших «художествах»: как-никак мы достаточно вольно обошлись с его произведениями. Но мы зря волновались. Александр Моисеевич пришел в полный восторг от увиденного. Он рассыпался комплиментами, наговорил всевозможных приятных вещей каждому актеру, пропел целый гимн творческому подходу и той отсебятине, которой мы буквально наштапиговали спектакль.

Одним словом, спектакль удался во всех смыслах. Собирала приятные бонусы со всех сторон и директриса, основная заслуга которой состояла в

том, что она не мешала происходящему. Но и это, если здраво рассудить, было немало.

Спектакль стал известен, о нем в Москве много говорили и даже спорили.

На следующий год я, разочаровавшись в профессии журналиста (после года работы – вначале в газете «Ленинское знамя», а потом в газете «Книжное обозрение»), поступил на филфак Московского педагогического института. Заниматься театром было особо некогда. Да и бывшие соратники по цеху не давали о себе знать. Видимо, на место главного героя быстро нашлась замена. Да я, собственно, долго не думал на эту тему. Новая жизнь увлекла меня. Новые знакомые, новые мечты, новые заботы...

Минуло что-то около семи лет, прежде чем до меня дошли какие-то известия о театральной студии и об одноклассниках, принимавших участие в ее деятельности. Откровенно говоря, одноклассники мне настолько осточертели за время учебы, что за прошедшее время я ни разу не пытался узнать о них что-либо. За семь лет я успел окончить институт, побывать в армии, поработать в школе учителем и поступить в аспирантуру. На четвертом курсе я женился, через три года развелся и после вечных выяснений отношений на протяжении последних полутора лет вновь почувствовал себя свободным и перспективным молодым человеком. Кроме того, одно из издательств взялось опубликовать мою первую книгу, так что жизнь складывалась как нельзя более удачно.

Именно в это время мне неожиданно позвонил одноклассник – один из тех, кто участвовал в технической группе, обеспечивая звуковое оформление спектаклей. После нескольких фраз мы договорились встретиться, что и сделали на следующий же день. Оказалось, он до сих пор подвизается у Колмановского. Драмкружок разросся до внушительных размеров Театральной студии. Когда с упадком комсомольско-пионерского движения освободилось много до этого занятых под воспитание подрастающего поколения площадей, нашему дяде Сереже отдали половину огромного Дворца пионеров, располагавшегося на Белорусской. Я этот дворец хорошо знал, поскольку в классе четвертом ходил туда заниматься шахматами. Это было довольно обширное четырехэтажное здание, перед которым помещалась скульптурная композиция героев-молодогвардейцев.

После «Ящерицы», которую еще пару-тройку лет после нас представляли на сцене более молодые поколения учащихся нашей школы, было решено поставить не что-нибудь, а мюзикл. Колмановский всегда был повернут на джазе, и жанр музыкаль-

ного спектакля был ему очень близок. Новый мюзикл назывался «Чигрики-мигрики». В основу сюжета была положена сказка «Волк и семеро козлят». Но это только номинально. На самом деле спектакль представлял собой чудовищную мешанину из совершенно разноплановых персонажей. Тут, кроме Волка и Козы с козлятами, были еще Носорог, Жираф, Лиса, рыбы и даже непонятные светящиеся существа, изображающие галлюцинации Волка на почве недоедания. Основной музыкальный материал был почерпнут у Эндрю Ллойда Вебера. В основном, конечно же, источником послужил «Иисус Христос – суперзвезда», но были и композиции из «Кошек» и даже из «Призрака оперы». Все это было разбавлено джазовыми вкраплениями из Брубека и других милых сердцу дяди Сережи авторов. На музыку были написаны соответствующие стихи, а слова от автора произносил не кто иной, как сам Олег Табаков.

Весь этот музыкальный коктейль дети представляли столь вдохновенно, танцы были так зажигательные, а со сцены так шибало энергией в тысячу и более вольт, что спектакль моментально стал суперпопулярен. Его показывали в московском ТЮЗе (при этом зрители, как и на другие спектакли, покупали билеты), причем каждый раз был полный аншлаг – работникам театра даже приходилось задействовать задние ряды, которые обычно пустовали и от остального зала отгораживались шторкой.

После этого высокое начальство решило отправить нашумевшую постановку в Голландию на Европейский конкурс детских коллективов. В результате мюзикл с огромным отрывом взял по Европе первое место.

Все зимние каникулы мюзикл шел в огромном ДК «Монолит», причем желающих на него попасть не становилось меньше. В некоторые дни игралось по три спектакля. Для этого на специальном автобусе даже привозили горячее питание для юных актеров.

Приятель пригласил меня на спектакль, проходивший в ТЮЗе, и я смог лично убедиться в том, что это действительно была выдающаяся постановка. Энергетика у мюзикла была действительно сумасшедшая.

После таких невиданных успехов Московское правительство отдало Колмановскому старое школьное здание в районе «Войковской», которое было решено перестроить под нужды особой школы с театральным уклоном. Стройка шла почти пять лет. Наконец школа была торжественно открыта. В ней имелись специальные кабинеты для занятий музыкой, для хореографической подготовки, два

полноценных театральных зала... Одним словом, Колмановский достиг своей цели. Он стал всеми уважаемым и любимым детьми директором театрального центра. Правда, с началом административной деятельности времени на постановку спектаклей почти не осталось, поэтому ничего столь же грандиозного, как «Ящерица» или мюзикл «Чигрики-мигрики», больше не ставилось. Тем не менее из недр этой школы вышло несколько довольно известных актеров и медийных личностей.

Я и мои одноклассники на правах основателей и вообще патриархов периодически посещали годовщины студии.

Никто из наших в актеры не пошел. Может, оно и к лучшему. Как известно, девяностые годы были не лучшим временем для отечественного театра и кинематографа. Я не пошел в актеры по нескольким соображениям. Дело в том, что в самой профессии актера было что-то лично для меня не органичное и даже неприятное. В принципе, это было то же, что отвратило меня от профессии журналиста. Надо много знать, много уметь, но... не глубоко, «в целом», по верхам. Все сразу – и ничего конкретно. Хореография – общее представление, прямо скажем, не Вагановское училище. Музыка и пение – тоже «недо», даже термин есть – «актерское пение», то есть вроде пение, но какое-то средненькое, «на троечку», отнюдь не бельканто. Спорт вроде единоборств или фехтования – тоже сплошная симуляция... И так во всем. И это не просто обычный недостаток образования или, скажем, отсутствие определенных целей. Это образ жизни. Скользить по поверхности, ничего не беря в голову глубоко и надолго. Имитация. Очередная роль. В актеры надо идти тем, кто проникся, успел пропитаться этим духом и не мыслит себе жизни по-иному. Но это мое личное мнение.

Вероятно, на протяжении по меньшей мере нескольких последних страниц читатели находятся в недоумении, почему рассказ называется «Нарцисс». «Кто имеется в виду? Может, я что-то пропустил? А если нет, то где он? И вообще – будет ли в этом произведении главный герой?»

Спешу успокоить пытливого читателя. Будет. Все, изложенное выше, было хотя и длинным, но необходимым вступлением, своего рода рамкой, в которую мы теперь постараемся вставить портрет нашего героя.

Для этого вернемся назад, в начало восьмидесятых.

Звали нашего героя, как я уже упоминал, Сергей Владеленович Бойко, и он преподавал у нас

в школе английский. На фоне ограниченных и порой весьма злобных училок, замученных нерадивыми учениками и бытовой неустроенностью, он выделялся так же, как яркий сортовой мак среди огородных сорняков, лопухов и пожухлых одуванчиков.

Ходил он в джинсовом костюме (вещь по тем временам дефицитная и весьма недешевая), перед начальством не лебезил и вообще вел себя независимо. Первое мое более или менее внятное воспоминание о нем такое.

У нас как раз должно было состояться первое собрание драмкружка. Мы согласовали время, и меня попросили сообщить Владеленычу об этом. Кабинет его располагался на втором этаже, где занималась начальная школа. Дверь в кабинет была полуоткрыта, и я заглянул. За партами сидели ученики второго или третьего класса, примерно сложив руки на партах перед собой и с обожанием глядя на преподавателя. Сам преподаватель, полулежа на стуле и качаясь на задних его ножках, скучающим голосом громко произносил: «This is a table!», после чего поднимал руку, в которой наподобие дирижерской палочки был зажат карандаш, и добавлял: «All together!» – и дети, словно стая бандерлогов, завороченная старым мудрым Каа, хором повторяли: «This is a table!»

Дождавшись паузы, я произнес то, что был должен:

– Собрание в четыре!

Владеленыч посмотрел в мою сторону, молча кивнул и, снова повернувшись к классу, отчетливым, громким, но в то же время голосом безмерно скучающего человека сказал:

– Once more!

«This is a table!» – донеслось до меня уже в коридоре.

Налет пижонства и снобизма во Владеленыче чувствовался сразу. Но он не был грубым. Даже этим качествам он смог придать вид элегантности. Другими словами, это была способность так опустить собеседника, что тот этого еще долго не понимал.

На втором или третьем собрании Колмановский рассказывал о своей задумке – начать спектакль показом слайдов, изображающих разных людей и их эмоции. Это были женщины, старики, дети в обычной бытовой обстановке, – радующиеся, удивляющиеся, думающие... Таким образом, с самого начала как бы заявлялась шкала ценностей и провозглашалось, что в этой системе координат именно человек является мерилем всего. Что он не «винтик», не строительный материал истории, а то, ради чего все существует.

В конце Колмановский произнес:

– Я думал, может, здесь добавить картины знаменитых художников... Да Винчи, Боровиковского, Чурлениса...

– А кто такой Чурленис? – спросил кто-то из присутствующих.

– Монгольский художник эпохи Возрождения, – почти тотчас отозвался Бойко.

– А, понятно... – протянул спрашивавший.

Возможно, он так до конца дней и остался в полной уверенности, что в Монголии было Возрождение и Чурленис – не кто иной, как великий монгольский художник.

Поначалу я вообще был уверен, что Бойко раньше учился на актера. Он знал бесчисленное количество актерских баек, которые весьма увлекательно и главное – забавно, к месту, рассказывал. Кроме того, у него имелись обширные знакомства в актерской среде, и многих действующих актеров на спектакль впоследствии приглашал именно он. Как моя уверенность в его актерском образовании сочеталась с его нынешней должностью учителя английского языка, думаю, я бы вряд ли смог определить. Не удивлюсь, если Бойко сам распустил такой слух – это было вполне в его характере.

Характер у Владеленыча вообще был особенный. Несмотря на свою кажущуюся открытость и даже демонстративность, он всегда был, что называется, «вещью в себе». Ни с кем коротко не сблизился (за редким исключением, но об этом речь впереди), и вообще при взгляде на него создавалось ощущение, что он постоянно «находится в образе»: либо играет какую-то роль, либо ее обдумывает, либо, обдумав, с решительным лицом направляется на сцену, дабы ее воплотить.

В «Ящерице» Бойко исполнял роль Красноречивого – циничного идеолога-пустозвона, произносящего речи по всякому поводу с единственной целью – манипулирование настроением масс. Иногда речи носили весьма пространственный характер, так что мизансцену нужно было наполнять каким-то действием. В одной из них Бойко придумал следующее. Начав свою речь, он подходил к рампе, словно заметив что-то, лежащее на полу. Нагнувшись, он трогал это рукой, потом нюхал, кривился и в продолжении всей оставшейся речи пытался параллельно оттереть руку от вонючей субстанции. Причем делал это обо все, что попадалось под руку. Выглядело это очень смешно. Однако полет творческой фантазии Бойко было не остановить. Как-то раз перед прогоном данной сцены он подошел к рампе и что-то там спрятал. Когда же настало время, он нагнулся, вытащил оттуда что-то продолговатое, величиной с палец, откусил от него, с

отвращением выплюнул, остаток отбросил в сторону. Благодаря очевидным ассоциациям сцена стала куда более живой и интригующей. После прогона, когда разбирали ошибки и недостатки, Колмановский, сказав все, что хотел, в конце задумчиво произнес, обращаясь к Бойко:

– Единственное, что я не понял, так это что ты там сожрал такое противное.

Бойко усмехнулся.

– Соленый огурец, – бросил он и ушел куда-то по своим делам.

После того как у нас начались полноценные репетиции и многие из учеников, раньше доставлявших хлопоты администрации (и я в том числе) занялись делом, директриса преисполнилась благодарности Колмановскому и на следующем общешкольном собрании решила сказать ему хвалебное слово. Однако она не знала отчества Колмановского и не нашла ничего лучшего, чем обратиться к Бойко. Тот, не задумываясь, решил заменить подозрительное отчество Колмановского «Эдуардович» на более определенное – «Абрамович». И вот в разгар собрания директриса произнесла:

– Большая благодарность нашему руководителю театрального кружка – Колмановскому Сергею Абрамовичу!

Колмановский привстал со своего места и растерянно поправил:

– Эдуардовичу...

Физиономии Бойко я в этот момент не видел, но, думаю, выражение на ней присутствовало весьма довольное.

В те годы в России только-только появился кубик Рубика – чудо-изобретение венгерского инженера, над которым ломало голову едва ли не полмира. Кому-то из наших балбесов из-за границы привезли означенную головоломку, и все по очереди пытались ее собрать.

В один из дней Бойко пришел на репетицию и заявил, что может это сделать. Естественно, никто не поверил. И тогда тот поведал всем невероятную и почти мистическую историю. По его словам, из Индии пару дней назад в Россию прилетел известный йог. В Москве он был проездом и на это время остановился у Бойко. Увидев, что тот пытается собрать кубик Рубика, йог пообещал сделать так, что он сможет это сделать. С этой целью он погрузил Бойко в состояние транса (или гипноза) и передал ему это умение. Именно поэтому собирать кубик Бойко может теперь только в состоянии транса. А для этого ему нужно сосредоточиться. И уединиться. С серьезным видом и кубиком в руках

он удалился в техническую рубку и пропадал там минут около пяти. Вероятнее всего, вытащил из кармана схему сборки и по ней действовал. Но суть не в этом, а в том, как все было обставлено. По прошествии означенного времени он вошел в зал с расстроенным видом. В руках он держал не собранный кубик. Однако, дойдя примерно до середины зала, он вдруг резко остановился, затрясся, упал на колени, поднял кубик вверх и дрожащими руками начал его лихорадочно крутить. Так продолжалось секунды три или четыре (вероятнее всего, там оставалась пара ходов до конца). Потом, очнувшись от связи с космосом, Владеленыч поднялся и предъявил всем полностью собранный кубик. Все так и ахнули.

Помню, как-то раз за неделю мы играли целых три спектакля. Естественно, народ подустал, ослабился. И тут прибежал взъерошенный Владеленыч и «по секрету» сообщил всем, что на спектакль придет сам министр культуры СССР (тогда это был Демичев). Все, естественно, тут же взбодрились, да еще как! Не каждый день к тебе на спектакль приходят министры. Со сцены из-за света прожекторов и ramпы ни черта не было видно, что делается в зале, поэтому мы только после окончания спектакля узнали, что никакой министр не приходил. Да, собственно, и не собирался. Но зато роли свои все в этот день отыграли «на ура».

Играл Владеленыч (и в первом, и во втором спектакле) исключительно хорошо. Выдумывал мизансцены, разные «приколы». В «Уроке истории» он среди прочего изображал силача в цирке, который жонглировал гириями. Гири были настоящие. С голым мускулистым торсом Бойко и впрямь выглядел таким поджарым, жилистым силачом. За своим внешним видом и спортивной формой он очень следил. В «Ящерице», как я уже упоминал, он играл Красноречивого, при этом в своих речах умудрялся пародировать пустые, напичканные ничего не значащими лозунгами речи современных партийных лидеров и начальников. Из-за этого пьеса начинала звучать еще актуальней.

Когда к нам на спектакль пришел автор пьесы «Ящерица» Володин, то более всего после окончания действия он превозносил игру Владеленыча. Тот выглядел явно моложе своих лет, и Володин, видимо, решил, что тот является учеником выпускного класса. «Вот вы, – говорил известный драматург, указывая на Владеленыча пальцем, – меня просто поразили. Это удивительно! Я готов вам дать любую рекомендацию для поступления в театральный вуз!»

– Спасибо большое, – отвечал Бойко, скромно

потупившись, – но это вряд ли понадобится. Мне уже 30 лет...

С учителями, насколько я понял, Бойко вел себя вежливо, но особо не общался. И, похоже, втайне их всех от души презирал. Нашего литератора, 75-летнего еврея по фамилии Шапиро, он за глаза почему-то называл «старым мудаком», а директрису – «пароходной сиреной». Одна из учительниц английского языка была хохлушкой, и ее «прононс» оставлял желать много лучшего. Бойко в красках рассказывал эпизод, когда в столовой она вдруг решила услужить ему и, взяв у прилавка приготовленный кофе, поднесла ему со словами: «Ынжой ёр кохфи, Сэрхэй Владэлэнавич!» При этом Бойко чуть приседал, делая «кривые ноги», и торопливо семенил вперед, бессмысленно выпучив глаза.

А потом я узнал, как Владеленыч оказался в нашей школе. Но эта история заслуживает отдельного рассказа.

У нас в классе учился некто Гоша Кашин, карьерист, отличник и рьяный комсомолец. На самом деле в смысле цинизма он мало чем отличался от всех остальных, просто был, что ли, более продуманным, и уже года три точно знал, что будет поступать в МГИМО. От школы требовалось направить двух образцовых учеников в райком комсомола, куда они должны были раз в неделю ездить и получать указания старших товарищей, что и как нужно делать в смысле политической работы и проведения соответствующих мероприятий. Не помню, кто был вторым, но первым оказался именно Кашин. Театральными делами он не занимался, поскольку считал это бесполезной тратой времени. Зато иногда он рассказывал нам разные байки о жизни в высших сферах и вообще о том, что ему удалось подслушать «в кулуарах». Это ему добавляло авторитета. Именно он сумел выяснить, как Бойко попал к нам в школу.

Учился тот, оказывается, не на актерском, а в Институте иностранных языков Мориса Тореза. Причем был одним из лучших учеников. Именно как лучшего ученика его и еще одного парня было решено отправить в Англию на стажировку – вещь по советским временам почти невероятная. Пройдя массу собеседований и утверждений, оба кандидата наконец оказались в вожденной стране развитого капитализма, родине Киплинга и Оруэлла, «Битлз» и вещающей по ночам устами Севы Новгородцева «Би-Би-Си». Тамашняя жизнь опьянила их. Контраст с совковой действительностью семидесятых был разителен. Под воздействием этой эйфории они бросили ходить в университет. Приятель устроился барменом в какую-то забегаловку, а Бойко – заправщиком на бензоколонку. После

этого приятели зажили в свое удовольствие. Через несколько месяцев все выяснилось. Хитрый приятель к тому времени успел охмурить дочь хозяина кафе и жениться на ней. Поэтому разъяренные советские власти выместили все на Владеленыче. Его скрутили и через наше посольство депортировали на родину едва ли не в наручниках. По прибытии его исключили из комсомола и выгнали из института, поскольку такую стажировку в качестве практики ему никто засчитывать не собирался. Остался Владеленыч без диплома и практически с полным билетом. Но даже в такой, казалось бы, безнадежной ситуации он не опустил рук. Вскоро же он женился на дочери какого-то видного партийного руководителя, и именно он посоветовал пойти зятю поработать в школу года три – пока история не забудется. А там и реабилитироваться можно будет потихоньку.

От такой истории все немного обалдели. Хотя она многое расставляла на свои места.

Женщины на Бойко были падки. Слетались, как мухи на мед. И лишь очень немногие сторонились.

В «Ящерице» одну из главных ролей – а именно Поющей Днем (предводительницы сторонников войны в племени Скорпионов), играла одна из моих бывших одноклассниц. «Бывших» потому, что после девятого класса она вместе со своей неразлучной подружкой перешла в другую школу, чтобы получить хороший аттестат. В нашей ей это совершенно не светило – слишком яркая репутация у них составила к тому времени. Однако контакта мы с ней не теряли, в основном потому, что у моего приятеля возник роман с ее подругой (которая в спектаклях не участвовала). Во время дружеских попок я много от нее узнал. В частности, что у обеих первый мужчина был аж в седьмом классе, а в восьмом обе уже сделали по подпольному аборту. Узнавать все это было несколько диковато, особенно в блаженные советские годы, когда сцена с полуголой бабой в кино была почти скандальным событием и одновременно причиной аншлага на картину, явно этого не заслуживающую. Впрочем, удержаться подружкам было явно непросто. Вокруг обеих буквально табунами вились особи мужского пола. Особенно вокруг Аринки (Поющей Днем). Сказать, что она была красива, – значит, ничего не сказать. Это была та холодная, почти надменная, аристократическая красота, которая так интригует и притягивает. Причем она ничего из себя не корчила. Она именно была такой. По рассказам подружки, Янки, к окончанию школы у нее уже было более тридцати любовников. Причем ровесники ее не интересовали. Да и вообще личности

ординарные не привлекали. Среди ее любовников числились актеры, режиссеры, известные музыканты, композиторы и все в таком роде. Когда она выходила на сцену играть Поющую Днем, то ей особенно ничего и не надо было делать. Просто встать и произносить текст. И уже через несколько секунд у присутствующих мужиков от 14 до 80 начинала отделяться слюна, а дамы до краев исполнялись черной зависти. Надо сказать, что в подобной ситуации герой, которого я играл, выглядел в глазах публики полным придурком, поскольку променял такую «обалденную бабу» на непонятную профурсетку по имени Ящерица.

Как-то среди прочего, перечисляя любовников подружки, Янка назвала Льва Скачкова, известного киноактера. Позже, когда в присутствии Аринки речь зашла (не помню уж в какой связи) о Скачкове, она хитро прищурилась, подбоченилась и начала слегка пританцовывать.

– Да, Лева Скачков. Он такой классный! – сказала она и зацокала языком.

Через несколько месяцев мы встретились в одной компании, и разговор зашел о театральной студии, а потом о Владеленыче.

Тут Аринка хитро прищурилась, подбоченилась и начала слегка пританцовывать.

– Да, Сережа Бойко! Он такой классный! – сказала она и зацокала языком.

Не могу сказать наверняка, была ли связь между первым и вторым эпизодом, но у меня осталось стойкое впечатление, что это было явно неспроста.

Года через три началась перестройка, а потом грянул капитализм. Я долго ничего не знал о судьбе Владеленыча. Но потом до меня стали долетать отдельные обрывки. Дороги с Колмановским у них разошлись. Я так и не понял – разругались они или расстались мирно, но только Бойко начал строить свою собственную жизнь. Английский он знал в совершенстве, коммуникативных и актерских навыков у него было хоть отбавляй, так что очень скоро он завязал прочные отношения с нашими новыми заокеанскими друзьями, причем вплоть до того, что когда в Москве снимали небезызвестный фильм «Красная жара», где Шварценеггер играл советского милиционера с горьковской фамилией Данко, Владеленыч был у голливудской звезды переводчиком и повсюду ее сопровождал.

Затем он занялся журналистикой и начал сотрудничать с газетой «Сан-Франциско News». Скоро он стал официальным ее представителем в Москве.

В середине девяностых я случайно столкнулся с Бойко на улице. Он практически не изменился – не полысел, не растолстел. Законсервировался, как

Дориан Грей у Оскара Уайльда. Перекинувшись буквально несколькими фразами, мы пошли каждый по своим делам. Напоследок он сунул мне свою визитку, на которой на двух языках (русском и английском) значилось, что он действительно корреспондент газеты «Сан-Франциско News».

Уже в 2000-е годы меня периодически стали приглашать на праздники и юбилеи в театральную школу Колмановского. Несколько раз там появлялся и Бойко. Особо он ни с кем не общался, на брудершафт не пил. Исключение составлял всего один человек, и это было для меня еще более удивительным, поскольку человек этот был специфическим. Фамилия его была Зубов, и в «Ящерице» он играл Человека Боя. Позже я множество раз удивлялся, как Колмановскому удалось набрать на роли людей, по характеру полностью соответствующих персонажам. Красноречивый действительно был красноречивым. Поющая Днем была такая, что будь здоров. Похититель (то есть я) тоже во многом соответствовал, в частности, тем, что долго не мог решить, какая из двух «невест» ему нравится больше (мне и вправду по-своему нравились обе).

Характер Зубова полностью соответствовал роли, которую он играл. Это действительно был «Человек Боя». Весь его облик, все его поведение можно было выразить одним словом – брутальность. Общаться и даже разговаривать с ним было невероятно тяжело, поскольку подтекстом при этом всегда было выяснение того, кто из вас главный. Давление и скрытую агрессию собеседник начинал испытывать буквально через несколько секунд. В действиях это у Зубова практически никак не проявлялось, лишь в мимике, едва уловимых жестах, – короче, в том, что особо сильно действует на подсознание. Из любого диалога неизбежно следовало, что собеседник просто обязан смириться и немедленно принять позу подчинения. В пьесе у Человека Боя была своего рода присказка, которую он повторял после каждой своей более или менее развернутой речи: «И мне плевать, если кто-то думает иначе». По-моему, ее придумал Колмановский. Не знаю, на что он при этом ориентировался, вполне возможно, что и на характер актера.

Когда репетиции «Ящерицы» подходили к середине, главную нашу актрису (игравшую Ящерицу) вдруг поразила звездная болезнь. Диана вообще была дамой кокетливой и склонной к манипуляциям, но тут, почувствовав, что все так или иначе от нее зависят, развернулась во всю мощь. Она взяла привычку опаздывать на репетиции – на полчаса, а то и на час, вступать с партнерами в перепалки по пустякам, могла прервать сцену на середине под предлогом, что у нее «не пошло», и

заставить всех проходить сцену сначала, и так далее в том же духе. Одним словом, превратилась в капризную, вздорную примадонну погорелого театра. Естественно, все при этом страдали (кроме нее самой). Между собой все обсуждали это неадекватное поведение и в конечном итоге пришли к солидарному мнению, что ей не хватает мужика. После недолгих дебатов в целях спасения спектакля решено было отправить кого-нибудь из наших мужиков в «секс-командировку». Выбор пал на Зубова. Тот сурово принял эту необходимость. Через пару дней под каким-то надуманным предлогом некоторые из наших собрались у Дианы дома. Посидев немного, они попросились и отправились домой. Остался Зубов.

Дальнейшее мне поведали в красках. Проводив гостей, Диана вернулась в комнату и увидела, что Зубов лежит под простыней на кровати уже совершенно голый. Видимо, он решил не мудрить, а сразу перейти к делу. Заметив изумление Дианы, он ничуть не смутился, а напротив, откинул простыню и приглашающе задвигал бедрами. Уже потом, на протяжении всей своей дальнейшей жизни, я неоднократно убеждался, что вроде бы самые примитивные методы оказываются наиболее действенными.

На следующий день наша Диана явилась кроткой и вполне довольной жизнью девушкой. Остаточные явления бывшего заболевания, конечно, давали о себе знать, но очень редко.

После школы Зубов пошел в цирковое училище. Еще раньше он занимался силовой акробатикой, теперь же выступал на арене в группе, причем был тем, кто снизу держал всех на себе. Еще позже он переквалифицировался в дрессировщика. Причем занимался исключительно хищниками – тиграми, львами, пантерами. Видимо, он, наконец, нашел свое место в жизни.

Именно с Зубовым Бойко и общался на юбилейных собраниях у Колмановского неизмеримо больше, чем с другими. Меня всегда это удивляло, поскольку я искренне не понимал, о чем можно общаться с Зубовым, несмотря на все его неоспоримые достоинства.

Ключ к пониманию природы этого странного тандема мне дал не кто иной, как Колмановский.

Как-то раз мы созвонились и, как всегда, заговорили о том, что происходит в театральной школе, об общих знакомых. В том числе зашел разговор и о Бойко.

– Я тут с ним не так давно виделся, – неожиданно сообщил Колмановский.

– Ну и как он? – спросил я.

– В порядке. Все такой же нарцисс.

Мы еще немного поговорили и распрощались. Однако фраза, брошенная проходя, как бы вскользь, многое прояснила для меня. Понял я и суть «дружбы» Бойко с Зубовым. По существу, это был один и тот же человеческий тип, только несколько иная модификация. Поэтому, общаясь друг с другом, каждый из них словно смотрелся в зеркало. А что для известного мифологического персонажа могло быть приятней?

Не знаю, чем впоследствии занимался Зубов. Наверное, тем же. А вот Бойко сделал карьеру.

Когда американцы вторглись в Ирак, он в качестве корреспондента поехал в зону боевых действий и впоследствии даже написал об этом книгу. Книга была отмечена на Западе и даже получила какую-то престижную премию.

В качестве корреспондента «Сан-Франциско News» он постоянно присутствовал на правительственных брифингах и даже неоднократно задавал вопросы Путину – по делу Магнитского (западная пропаганда тогда активно раскручивала эту тему), об Украине, Крыме. Как и положено корреспонденту «просвещенного мира», он делал это «с подковыркой» и даже артистическими реминисценциями. Например, как-то раз начал говорить по-украински, но потом оборвал себя, пояснив, что только что приехал из Киева и дух свободы еще не выветрился из него.

С присоединением к России Крыма выступления Бойко стали гораздо агрессивнее. Он устроил скандал в эфире одной из московских радиостан-

ций, выпустил книгу, в которой описывал героизм украинских нацистов, сражавшихся в Донбассе. Однако от предложенного Украиной гражданства он отказался, сославшись на то, что у него уже есть американское и оно его вполне устраивает.

Фотографии Бойко, сделанные на территории ДНР, даже выдвигались на Пулитцеровскую премию. В результате помимо этой ему еще надавали кучу других премий.

В Москве его работы провисели всего один день. Их облили краской активисты, а позже Бойко вызвали в Следственный комитет за пропаганду нацизма.

Чуть позже в эфире одного из телеканалов на вопрос присутствующих об отношении к фашистской идеологии Бойко вскинул руку в нацистском приветствии.

Постепенно You Tube и другие паблики заполнили ролики, снятые им в духе пропаганды «укрорейха».

Последней новостью, дошедшей до меня, было то, что с началом СВО Бойко переехал на Украину и добровольцем записался в тероборону.

Наверное, на просторе интернета есть много чего нового о нем. Даже наверняка. Только я не смотрел. И не собираюсь.

Неинтересно.

□

Игорь Олегович РОДИН

родился в 1965 году в Москве.

Писатель, переводчик, драматург,

автор более 200 книг, выпущенных массовыми тиражами.

Член СП России.

Победитель литературных конкурсов

им. И. Крылова, Ф. Достоевского, А. Куприна, А. Блока.

Награжден медалями «За вклад в литературу XXI века»,

«За мастерство и подвижническую деятельность

во благо русской литературы».

